

Научная статья

УДК 81-13

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-59-68

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Лукьянова В. С.

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал), 143007,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3, Российская Федерация
e-mail: v.lukyanova@odin.mgimo.ru

Поступила в редакцию 26.06.2024

Принята к публикации 08.07.2024

Аннотация

Цель работы – обосновать необходимость применения онтолингвистического подхода для выделения наиболее успешного переводческого инструментария межкультурной передачи художественного текста.

Процедура и методы. Вопросы межкультурной передачи рассматриваются на основе вертикального и горизонтального подходов к компонентному анализу маркеров детской экспрессивной речи на различных уровнях языка. С опорой на используемый метод сравнительно-сопоставительного анализа выделяются основные переводческие сложности, способные приводить к дальнейшей необоснованной интерпретации художественного произведения.

Результаты. Выявляются перспективы междисциплинарного подхода для решения переводческих задач, что позволяет более точно и полно выражать оттенки детской речи в языке перевода. Применение горизонтального подхода способствует более близкой к замыслу автора передачи образа персонажа-ребёнка.

Теоретическая значимость работы заключается в определённом вкладе в междисциплинарный характер переводческой парадигмы на стыке с онтолингвистикой в ракурсе предложенной методологии исследования вопросов перевода детской речи.

Ключевые слова: адекватность перевода, детская речь, онтолингвистический подход, художественный перевод, экспрессивная речь

Для цитирования:

Лукьянова В. С. Возможности применения онтолингвистического подхода в переводе художественного текста // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 59–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-59-68>

Original research article

THE APPLICATIONS OF THE SPEECH DEVELOPMENT APPROACH IN THE TRANSLATION OF A LITERARY TEXT

V. Lukyanova

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
Russian Federation (Odintsovo branch), ulitsa Novosportivnaya 3, Odintsovo 143007, Moscow
Region, Russian Federation
e-mail: v.lukyanova@odin.mgimo.ru*

Received by the editorial office 26.06.2024

Accepted for publication 08.07.2024

Abstract

Aim. To substantiate the need to apply a speech development approach to identify the most successful translation tools for the intercultural transmission of a literary text.

Methodology. The issues of intercultural transmission are considered on the basis of vertical and horizontal approaches to the component analysis of markers of children's expressive speech at various levels of language. Based on the method of comparative analysis, the main translation difficulties that can lead to further unjustified interpretation of a work of art are highlighted.

Results. The prospects for applying an interdisciplinary approach to solving translation problems are revealed, which makes it possible to more accurately and fully express the specifics of children's speech in the translation language. The use of a horizontal approach contributes to the transfer of the image of the child character closer to the author's intention.

Research implications. The theoretical significance of the work is in a certain contribution to the interdisciplinary nature of the translation paradigm at the junction with ontolinguistics in the perspective of the proposed methodology for studying the translation of children's speech.

Keywords: translation adequacy, children's speech, speech development approach, literary translation, expressive speech

For citation:

Lukyanova, V. S. (2024). The applications of the speech development approach in the translation of a literary text. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 59–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-59-68>

Введение

В художественной литературе использование образа ребёнка занимает особое место, нередко передавая авторскую идею с опорой на народную мудрость о том, что «уста́ми ребёнка глаголет исти́на». Так, в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» в сцене заседания военного совета в Филях образ М. В. Кутузова передаётся через призму понимания шестилетней девочки: «Малаша, которая, не спуская глаз, смотрела на то, что делалось перед ней, иначе понимала значение этого совета. Ей казалось, что дело было

только в личной борьбе между “дедушкой” и “длиннополым”, как она называла Бенигсена ...»¹. Такое представление персонажа передаёт особую чистоту, правоту и теплоту через призму образа ребёнка. Когда художественное произведение трактуется в переводческом ракурсе, нередко образ ребёнка становится малофункциональным, если не сказать исключительно декоративным. Данное

¹ Толстой Л. Н. Война и Мир. Том 3. Часть 3 // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/11/p.229/index.html> (дата обращения: 10.05.2024).

отношение опасно неадекватной интерпретацией художественного произведения и способно привести к значительным коммуникативным потерям в процессе его межкультурной передачи. В предлагаемом исследовании затрагиваются проблемы межкультурной передачи художественного текста, рассматриваемые на примере перевода рассказа американского писателя Дж. Д. Сэлинджера *"A Perfect Day For Bananafish"*¹ («Хорошо ловится рыбка-бананка»). Акцентируя внимание на междисциплинарном характере современной переводческой парадигмы, целесообразно выделить точки соприкосновения разных подходов, в рамках которых учитываются необходимые для данного исследования понятия (языковая и культурная картина мира, детская импрессионная и экспрессивная речь, вертикальный и горизонтальный подходы к анализу детской речи), анализируются проблемы перевода диалогических реплик ребёнка на основании их типологических характеристик, затрагивая фонетический и лексико-грамматический уровни языка.

Теоретико-методологическая база

Проблема перевода детской речи в контексте художественной литературы представляет собой сложный феномен, передающий особую стилистическую и прагматическую информацию через характерные детскому речевому поведению маркеры, которые лишь усложняют традиционные переводческие трудности, такие как несовпадения на лексико-грамматическом уровне (семантика, реалии и др.). Актуальность межкультурной адаптации детской экспрессивной речи в художественном тексте обусловлена прагматическими факторами, указывающими на необходимость использования методов онтолингвистического анализа речи, направленного на адекватную передачу

информации с точки зрения намерения автора, целевой зрительской аудитории, социальных, культурных и др. традиций в языке оригинала и перевода. Данное исследование показывает, что в рассматриваемом тексте оригинала и перевода заключена информация, содержащая вербальные возрастные маркеры, требующие интерпретации в процессе перевода.

В условиях данной работы под онтолингвистическим подходом в переводе подразумевается подход к анализу детской речи на основе достижений онтолингвистики как раздела лингвистики в рамках антропоцентрической парадигмы, изучающей онтогенез речи, представляющий собой формирование речевой способности, возникновение индивидуального языка с его дальнейшим развитием, а также дальнейшие возрастные языковые изменения. Подобное исследование стало возможным благодаря фундаментальным трудам С. Н. Цейтлин, А. Н. Гвоздева, К. В. Солнцевой, в которых детская речь активно изучается с позиции лингвистики, а также работам в области психологии Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, Е. В. Шереметьевой и психолингвистики в исследованиях А. М. Шахноровича, Д. Слобина, В. Штерна и др.

Вертикальный и горизонтальный подходы онтолингвистики

На ценность онтолингвистических исследований указывают работы современных лингвистов, в которых детская речь рассматривается как значимый этап формирования языковой способности, а также как особый вид деятельности, обладающий относительно самостоятельным выражением с характерной сложной структурой, с присущими ей специфическими целями и мотивами. Несмотря на внешнее сходство инструментов такой деятельности с инструментом, используемым взрослыми носителями языка в речи взрослых и детей, они функционируют по-разному в силу различного семантического наполнения [1].

¹ Salinger J. D. *A Perfect Day for a Bananafish* // Salinger J. D. *Nine Stories*. New York: Little, Brown and Company, 1981. P. 21–25. Далее – Salinger J. D. *A Perfect Day for a Bananafish*.

Изучение детской речи реализуется через вертикальный подход, рассматривающий её в сопоставлении со взрослым эталоном. Такая позиция представлена в исследованиях экспрессивной (продуктивной) детской речи в качестве так называемого детского юмора и в исследованиях импрессивной (обращённой) речи, принимающей активное участие в формировании речи ребёнка, на примере детских художественных и аудиовизуальных произведений [2, с. 7–10]. Применение вертикального подхода представлено в исследованиях перевода детской импрессивной речи на примере работ таких переводчиков, как С. Я. Маршак и К. И. Чуковский. Не менее важным средством компонентного и семантического анализа может послужить горизонтальный подход, согласно которому детская речь изучается исходя из её характеристик на конкретном этапе освоения языка ребёнком. Это особенно важно, когда речь идёт о переводе «недетского» художественного произведения, но с привлечением персонажа-ребёнка, что требует усилий для воспроизведения аутентичности речи ребёнка, отражая языковое отношение между «нормой и узусом (обиходом)» [3, с. 113]. По мнению Г. Т. Хухуни и И. И. Валуйцевой, являясь сложным процессом, перевод должен нести признаки «художественности» для «реципиентов принимающей культуры», максимально передавая при этом «лингвистилистические особенности, присутствующие автору исходного текста» [4, с. 158; 5, с. 47–48].

Проблема передачи детского речевого компонента в художественном тексте

Таким образом, определение наиболее продуктивных переводческих подходов и средств межкультурной передачи детской речи в художественном тексте представляет собой цель настоящего исследования. Особое внимание уделяется выявлению наиболее важных типологических характеристик коммуникативно-

речевого поведения ребёнка на определённом этапе освоения языка и речи и иллюстрируется примерами качественного анализа рассказа американского классика Дж. Сэлинджера *“A Perfect Day For Bananafish”* и его переводов, выполненных Р. Р. Ковалевой¹, М. Бирюлиной-Жудро² и М. Немцовым³.

Перевод Риты Райт-Ковалёвой является самым известным. В её переводе русское название рассказа звучит как «Хорошо ловится рыбка-бананка». Название рассказа по-разному передано у других переводчиков: «Лучший день банановой рыбы» (пер. В. Голышева и Э. Наппельбаума), «Чудный день для банановой рыбки» (пер. С. Махова), «Самый день для банабульки» (пер. М. Немцова), а также «Отличный день для селёдки» (пер. неизвестен, 1962 г.). В силу того, что центральной точкой рассказа является диалог с маленькой девочкой, стоит обратить внимание и на то, что в самом слове *bananafish* семантика содержит налёт детскости: помимо популярного идиоматического выражения *go banana*, означающего «сойти с ума», эта лексема является высокочастотной в детском дискурсе начиная с самых ранних этапов освоения языка: она присутствует в популярной

¹ Сэлинджер Дж. Хорошо ловится рыбка-бананка // Сэлинджер Дж. Над пропастью во ржи; Выше стропила, плотники: повести; Хорошо ловится рыбка-бананка; Человек, который смеялся; Голубой период де Домье-Смита; Лапа-растяпа: рассказы / пер. с англ. и предисл. Р. Райт-Ковалевой; 2-е изд. М.: Молодая Гвардия, 1967. С. 220–231. Далее – Сэлинджер Дж. Хорошо ловится рыбка-бананка (пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой).

² Сэлинджер Дж. Идеальный день для банановой рыбки / пер. с англ. М. Бирюлина-Жудро // Портал Проза.Ру. URL: <https://proza.ru/2015/03/24/1895> (дата обращения: 21.04.2024). Далее – Сэлинджер Дж. Идеальный день для банановой рыбки (пер. с англ. М. Бирюлиной-Жудро).

³ Сэлинджер Дж. Д. Самый день для банабульки // Сэлинджер Дж. Д. Девять рассказов / пер. с англ. М. Немцова. М.: Эксмо, 2022. С. 5–24. Далее – Сэлинджер Дж. Д. Самый день для банабульки (пер. с англ. М. Немцова).

детской песне “Apples and Bananas”¹, “Banana Song”², а также в детских дразнилках: *Anna Banana!* (“Freaky Friday”, 2003). Американский политик, занимавший пост вице-президента США, Хьюберт Горацио Хамфри шутил о своей склонности к многословию: “*I’m like the little boy who knew how to spell banana, but never knew when to stop*”³ / «Я словно маленький ребёнок, который знает, как писать слово “банан”, но не знает, когда остановиться» (перевод наш – В. Л.).

В рамках данного исследования целесообразно использовать **методы** компонентного анализа маркеров детской речи, а также метод контекстуального анализа переводимого речевого произведения персонажа с опорой на вертикальный и горизонтальный подходы онтолингвистического анализа, дополняющие возможности используемого метода сравнительно-сопоставительного анализа с целью выделения основных переводческих сложностей, учёт которых поможет в дальнейшем избегать неадекватной или недостаточной интерпретации художественного произведения.

Онтолингвистический инструмент межкультурной передачи: фонетический уровень

Обсуждая творчество Д. Д. Сэлинджера, исследователи указывают на завершенность поэтики «несчастливой истории» в рассказе о ветеране войны Симоре Гласе, который, будучи духовно

развитым и увлекающимся практиками дзен-буддизма, не находил себе места не только в обществе людей, но и даже рядом со своей женой [6, с. 148]. Центральной точкой рассказа является сцена, где главный герой передаёт свои знания маленькой девочке Сибилле, рассказывая ей притчу о ненасытных рыбках, которые погибли от того, что съели слишком много бананов [7]. В словаре культуры XX века В. П. Руднева данный рассказ интерпретируется с трёх разных позиций: поверхностно-бытовой, психоаналитической и дзенской⁴.

Являясь ядром рассказа, сцена общения с ребёнком вызывает большое количество интерпретаций отчасти в силу того, что возраст ребёнка эксплицитно не обозначен автором, а в тексте присутствуют только косвенные признаки того, что ребёнку от 3 до 4 лет. Например, описание девочки на этапе интродукции персонажа: *She was wearing a canary-yellow two-piece bathing suit, one piece of which she would not actually be needing for another nine or ten years*⁵. Это предположение подтверждается в дальнейшем коммуникативно-речевыми особенностями ребёнка. Так, в речи проскальзывает большое количество фонетических искажений: “*See more glass,*” “*Did you see more glass?*”⁶. Ребёнок не может корректно произнести имя главного героя *Semour Glass*, называя его более понятными для его мировосприятия словами *See More Glass*, что через образ ребёнка несёт такие коннотации, как «Провидец», «Видящий словно сквозь стекло», «Чист как стекло». В русском переводе М. Бирюлиной-Жудро антропоним передавался как «Си-мор Глаз, Сине-море-глаз», что от-

¹ RAFFI - Apples and Bananas - In Concert with the Rise and Shine Band // Raffi: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E5b-oUqmQCQ> (дата обращения: 21.04.2024).

² Minions Banana Song Full Song // Пирожные пироги: RUTUBE-канал. URL: <https://rutube.ru/video/11c29fb8879b62d5ccc2dc5a9b13b99e/?t=0> (дата обращения: 21.04.2024).

³ Safire W. On Language; What’s so Funny about Bananas? [Электронный ресурс] // The New York Times Magazine : [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/1993/05/09/magazine/on-language-what-s-so-funny-about-bananas.html> (дата обращения: 06.04.2024).

⁴ Хорошо ловится рыбка бананка // Руднёв В. П. Словарь культуры XX века. [Электронный ресурс]. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culture-dictionary/articles/130/horoshlo-lovitsya-rybka-banan-ka.htm?ysclid=lx5oyi3dp705972590> (дата обращения: 10.03.2024).

⁵ Salinger J. D. A Perfect Day for a Bananafish. P. 22.

⁶ Там же.

ражает фонетическое сходство с оригиналом, однако не передаёт дополнительных глубоких смыслов в устах ребёнка: «Си-мор Глаз, Сине-море-глаз, ... А где Сине-море-глаз?»¹. В переводе Р. Райт-Ковалевой реплика передана вариантом «Сими Гласс, Семиглаз, – сказала Сибилла Карпентер, ... Где Семиглаз?»², что удачно отражает образ человека, видящего суть вещей сквозь форму. В повторном вопросе текста оригинала явно показано, что ребёнок не отличает имени собственного от глагола: *Did you see more glass?* дословно переводится как «Ты не видела ещё стекло?», то есть в речи ребёнка часть антропонима *see* используется девочкой как привычный глагол, а не как часть непривычного имени, что по-русски могло бы звучать как «Ты не видела Миглаз?» (пер. Р. Райт-Ковалевой) и «Где Море-глаз?» (пер. М. Бирюлиной-Жудро).

При переводе необходимо передать важную коннотацию духовности и глубокого видения сути вещей через детскую несформированную речь. Такой контраст несформированной речи и точности воспроизведения духовной характеристики персонажа представляет особую сложность для переводчика. В переводе М. Немцова «Синь мой глаз, ... Ты видала, где синь мой глаз?»³ удачно воссоздано искажение в актуальном членении имени персонажа, как и фонетические особенности (мягкость согласного звука в имени Симур и несформированность звука «р», являющаяся типичным явлением в этом возрасте), однако игра с глаголом *see* передана не до конца. Данный пример демонстрирует наиболее типичные фонетические особенности детской речи в английском и русском языках, среди которых можно выделить субституцию, метатезу, слоговую элизию. По мнению

С. Н. Цейтлин к трём годам фонемные структуры языка полностью осваиваются, однако нормативная артикуляция ещё в стадии формирования, что приводит к фонетическому искажению, поскольку губные звуки усваиваются до язычных, а взрывные формируются до щелевых [8; 9].

Онтолингвистический инструмент межкультурной передачи: лексико-грамматический уровень

Среди грамматических особенностей детской речи можно выделить ограниченность числа употребляемых конструкций, нарушение детерминизма, тенденцию к унификации форм и создание неологизмов. Замена нормативных форм ненормативными происходит на основе более частотных моделей. Высокочастотными примерами среди англоговорящих детей в возрасте примерно от 2 до 4 лет можно назвать отклонение от нормы при выборе формы местоимений (*Me going, He hit I*) [10]. В исследуемом рассказе побудительное высказывание выражено формой утвердительного высказывания: *“You hold me, now”* в сцене, когда ребёнок плавает на матрасе и боится упасть. Также грамматические нарушения вызваны неспособностью различать части речи: *“My daddy’s coming tomorrow on a nairiplane”*⁴ – в этом примере ребёнок не отделяет артикль от существительного, в результате образуется морфологическое искажение с приращением части артикля к определяемому существительному. В русских переводах такого рода особенность воссоздана фонетическими средствами: «Мой папа завтра прилетит на ариплане!»⁵ (пер. Р. Райт-Ковалевой), «Мой папа прилетает завтра на эриплане»⁶ (пер. М. Бирюлиной-Жудро), однако в переводе М. Немцова предложен более удачный вариант, воспроизводящий как

¹ Сэлинджер Дж. Идеальный день для банановой рыбки (пер. с англ. М. Бирюлиной-Жудро).

² Сэлинджер Дж. Хорошо ловится рыбка-бананка (пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой). С. 222.

³ Сэлинджер Дж. Д. Самый день для банабулочки (пер. с англ. М. Немцова). С. 7.

⁴ Salinger J. D. A Perfect Day for a Bananafish. P. 22.

⁵ Сэлинджер Дж. Хорошо ловится рыбка-бананка (пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой). С. 222.

⁶ Сэлинджер Дж. Идеальный день для банановой рыбки (пер. с англ. М. Бирюлиной-Жудро).

лексико-грамматическое искажение, так и более близкое соответствие фонетическим особенностям речи ребёнка возраста до 4 лет: «Мой папа завтра прилетает на самом лёте»¹ (пер. М. Немцова). В данном варианте переводчик избегает труднодоступного для ребёнка такого возраста звука [p], воспроизведение которого в языке перевода «добавляют» взрослости. Для русскоязычного ребёнка было бы также характерно опустить звук [p] и словах «прилетает», что в конечном итоге могло бы иметь следующее звуковое оформление: «Мой папа плиетает завта на самаёте».

Онтолингвистический инструмент межкультурной передачи: экстралингвистический уровень

В диалоге с ребёнком ожидаемы особенности на уровне внешнеязыковых факторов, таких как нарушение референциальных связей, выраженное в отвлекаемости, сбивчивости в репликах, нарушение семантической тождественности. Следует отметить, что взрослый собеседник хорошо понимает особенность детского поведения и ведёт себя максимально деликатно, умело настроившись на одну волну с ребёнком, вступая с ним в соответствующую для столь малого ребёнка языковую игру: *“That’s a fine bathing suit you have on. If there’s one thing I like, it’s a blue bathing suit.”... – “This is a yellow,” she said. “This is a yellow.” – “It is? Come a little closer.” Sybil took a step forward. “You’re absolutely right. What a fool I am.”*² Особенности формирования детского сознания находят своё отражение и в содержательной части речевого коммуникативного поведения ребёнка: он не видит грань между вымышленным и реальным, обращённую речь воспринимает буквально. Такая особенность проявляется в его поведении, в текст диалога вплетаются элементы неискреннего текста, содержание

которого представляется как «сопряжение содержаний текстов в аспекте коммуникативной деятельности участников речевого общения» [11, с. 89]. В случае детской коммуникации следует отметить ценностность фатического компонента речевого взаимодействия с собеседником, когда на первый план выступает момент привязанности, поддержания диалога, а не его содержание. В реплике *“This is a yellow”* снова содержится маркер детской речи в виде избыточного артикля, что на русском языке оказалось сложно воспроизвести: «он вовсе желтый»³ (пер. Р. Райт-Ковалевой), «это желтый»⁴ (пер. М. Немцова), «он желтый!»⁵ (пер. М. Бирюлиной-Жудро). Здесь возможно было бы применение фонетического средства для передачи возрастного оттенка, например, «он волтый!».

Грамматические отклонения являются высокочастотным маркером речи ребёнка в возрасте от 2 до 4 лет: *“We’ll see if we can catch a bananafish.” – “A what?”*⁶. В речи взрослого человека такая особенность будет указывать на крайнее удивление, но в речи ребёнка эта формулировка находится в пределах нормы и может быть не вызванной эмоциональным состоянием. Когда Симур рассказывает о гибели рыбок, ребёнок не выражает ожидаемой эмпатии, а включается в игру воображения: *“I just saw one.” – “Saw what, my love?” – “A bananafish.” – “My God, no!” ... “Did he have any bananas in his mouth?” – “Yes,” ... “Six.”*⁷ Важным акцентом в рассказе служит непонимание ребёнком смысла притчи о гибели рыбок, однако здесь следует учесть не только речевую, но и когнитивную возрастную особенность: согласно проведённому в 2010 году исследованию

³ Сэлинджер Дж. Хорошо ловится рыбка-бананка (пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой). С. 223.

⁴ Сэлинджер Дж. Д. Самый день для банабильки (пер. с англ. М. Немцова). С. 20.

⁵ Сэлинджер Дж. Идеальный день для банановой рыбки (пер. с англ. М. Бирюлиной-Жудро).

⁶ Salinger J. D. A Perfect Day for a Bananafish. P. 23.

⁷ Salinger J. D. A Perfect Day for a Bananafish. P. 25.

¹ Сэлинджер Дж. Д. Самый день для банабильки (пер. с англ. М. Немцова). С. 19.

² Salinger J. D. A Perfect Day for a Bananafish. P. 23.

Центра поддержки детей, переживших горе, Дуги (*The Dougy Center*) представление детей о смерти неодинаковое на разных этапах развития. На эгоцентрической стадии (то есть в возрасте 2–4 лет) дети воспринимают смерть как нечто обратимое, замечают изменения в том, как о них заботятся, и могут задавать много вопросов. В возрасте 4–7 лет дети начинают обретать чувство самостоятельности, но по-прежнему считают смерть обратимой, при этом начинают задаваться вопросом о том, как и почему произошла смерть. На этапе формирования конкретного мышления (в возрасте 7–11 лет) дети начинают осознавать, что смерть необратима, и начинают интересоваться реакцией других людей, чтобы понять, какой должна быть адекватная реакция на смерть [12].

Несформированность рема-тематических отношений в репликах ребёнка подчёркивается участием в диалоге взрослого собеседника, который старается выдержать повествовательную линию, он аргументирован и деликатен, но ребёнок ещё слишком мал для конструктивного общения. К сожалению, речевые характеристики ребёнка не всегда интерпретируются адекватно, в результате чего девочке приписывают более старший возраст (крайняя цифра была 10 лет) [6], что существенно нарушает весь портрет персонажа.

Диалог между взрослым персонажем и ребёнком развивается по особым законам, характерным для произведений жанра абсурда, с нарушением детерминизма, особой моделью мира, тождественностью и семантической связностью [13]. Такие поведенческие проявления как ревность, агрессия, неэмпатичность через призму понимания детских маркеров, дают иную картину речевого образа, что желательно более полно отражать в тексте перевода.

Учитывая приверженность Сэлинджера идеям дзен-буддизма, исследователям представляется следующая интерпретация духовного пути персонажа:

если Гласс успел за данное воплощение очистить свою душу от негатива, то его душа выходит за пределы колеса сансары и переходит в состояние нирваны – полной умиротворённости и отрешённости от мирских дел [14]. С учётом этого Симора можно считать персонажем, достигнувшем той самой «другой жизни». В своём диалоге с Сибиллой он передаёт важные сакральные знания, воплощая терпение, доброжелательность и любовь к человеку.

Заключение

В данном произведении Дж. Сэлинджер использует разнообразие лингвистических особенностей на фонетическом, грамматическом, лексико-семантическом и синтаксическом уровнях для создания живой детской речи персонажа. Особенности коммуникации ребёнка подчёркиваются и экстралингвистическими факторами психологического характера. В процессе межкультурной передачи речевого образа персонажа-ребёнка переводчики, следуя общему тренду переводить на «взрослый» язык, в основной массе отказывались от возрастной адаптации текста в пользу передачи смысла высказывания, что влекло за собой определённые коммуникативные потери. В случаях решения передать «детский» язык средствами русского «детского» языка наблюдается адекватное воссоздание передаваемой диалогической картины, что, с нашей точки зрения, стилистически необходимо. Самым популярным переводческим приёмом становится использование в языке перевода фонетического искажения, которое полностью заменяет фонетическое искажение в языке оригинала. Фонетическое искажение также используется в случае передачи грамматических отклонений от языковой нормы, однако оно не всегда распознано в тексте оригинала и соответственно не подвергается передаче как детская речь.

В рамках данного произведения, можно увидеть, как через диалог с ребёнком

раскрывается особый тип персонажа, отражающий трансформацию фундаментальной концепции «другой жизни» в литературе писателей XX века. Художественные миры Дж. Сэлинджера сходятся в осуждении американской коммерциализации в ущерб духовному развитию человека, что с учётом использования онтолингвистического подхода при переводе адекватно отражается в межкультурном диалоге. Проанализировав три перевода рассказа, можно сделать вывод о том, что в силу определённой недогруженности детской речью местами переводы утрачивают связь с оригиналом, внося некоторые изменения в замысел автора.

Можно констатировать, что формирование методологии исследования через направления переводоведения и онтолингвистики, реализующейся через более пристальное рассмотрение детской экспрессивной речи при использовании вертикального и горизонтального подхода при анализе текста оригинала и пере-

вода, подчёркивает логическую обусловленность междисциплинарного характера данной работы. Дальнейшие исследования перевода детской речи не только в рамках перевода художественного текста, но и аудиовизуальных произведений, включающих в себя изучение речи детей монолингвов, билингвов и полилингвов, способны сделать значимый вклад в разработку нового проблемного поля.

Результаты данного исследования демонстрируют потенциал применяемого онтолингвистического подхода в переводческой антропоцентрической парадигме, что обеспечивает более полную передачу образа персонажа-ребёнка в тексте перевода, позволяет более точно и полно выразить все оттенки детской речи в языке перевода. Работа может оказаться теоретически значимой в аспекте расширения исследовательских возможностей междисциплинарных связей переводоведения и онтолингвистики, объектом которых выступит перевод детской экспрессивной и импрессивной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плотникова С. В. Развитие лексикона ребенка. М.: Флинта: Наука, 2018. 224 с.
2. Шереметьева Е. В. От рождения до первой фразы: тернистый путь к общению. Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2019. 282 с.
3. Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. Норма: внутренняя или внешняя лингвистика? (Ретроспективный взгляд) // Языковая норма в синхронии и диахронии: культурное достояние или посягательство на самовыражение?: коллективная монография / под ред. Н. Н. Германовой, В. А. Пищальниковой. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 111–122.
4. Валуйцева И. И. «Дискурсивные практики в современном мире»: всероссийская научно-практическая конференция (Москва, 27 ноября 2020 года) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 157–159. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-157-159.
5. Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Пожелание заказчика или содержание текста? (Об одной дискуссионной проблеме современного переводоведения) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № S6. С. 45–50. DOI: 10.20339/PhS.6s-23.045.
6. Славенски К. Дж. Д. Сэлинджер. Идя через рожь. М.: ЭКСМО, 2014. 504 с.
7. Резаков Я. О. Концепция аутсайдерства в художественных мирах Дж. Сэлинджера и С. Довлатова // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 2 (83). С. 151–155.
8. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
9. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Владос, 2017. 240 с.
10. Шахнарович А. М. Детская речь в зеркале психолингвистики: Лексика. Семантика. Грамматика. М.: Институт языкознания РАН, 1999. 165 с.
11. Сидорова Н. А., Федулова М. Н., Долженков В. Н. К вопросу исследования содержания неис-

- кренных текстов // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 81–92. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-81-92.
12. Graham J. A., Yuhas H., Roman J. L. Death and Coping Mechanisms in Animated Disney Movies: A Content Analysis of Disney Films (1937–2003) and Disney/Pixar Films (2003–2016) // Social Sciences. 2018. Vol. 7. Iss. 10. Article 199. DOI: 10.3390/socsci7100199.
 13. Лукьянова В. С. Явление коммуникативной неудачи в пространстве англоязычного детского анимационного фильма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 56–63. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-56-63.
 14. Бута Е. М. Сэлинджер. Дань жестокому богу. М.: Алгоритм, 2014. 240 с.

REFERENCES

1. Plotnikova, S. V. (2018). *Development of the child's lexicon*. Moscow: Flinta publ., Nauka publ. (In Russ.).
2. Sheremeteyeva, E. V. (2019). *From birth to the first phrase: the thorny path to communication*. Chelyabinsk: South Ural State Humanitarian Pedagogical University publ. (In Russ.).
3. Valuytseva, I. I. & Khukhuni, G. T. (2023). Norm: Internal or External Linguistics? (A Retrospective View). In: *Language Norm in Synchrony and Diachrony: Cultural Heritage or an Encroachment on Self-Expression?* Moscow: Moscow State Linguistic University publ. pp. 111–122 (In Russ.).
4. Valuytseva, I. I. (2021). Discursive practices in the modern world: all-Russian practical research conference (Moscow, November 27, 2020). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 157–159. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-157-159 (In Russ.).
5. Khukhuni, G. T. & Valuytseva, I. I. (2023). The customer's wish or the content of the text? (About a controversial problem of modern translation studies). In: *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, S6, 45–50. DOI: 10.20339/PhS.6s-23.045 (In Russ.).
6. Slavensky, K. (2014). *J. D. Salinger. Walking through the Rye*. Moscow: EKSMO publ. (In Russ.).
7. Rezakov, Ya. O (2019). The concept of the outsider in the art worlds by J. Salinger and S. Dovlatov. In: *Scientific notes of Orel State University*, 2 (83), 151–155 (In Russ.).
8. Zeitlin, S. N. (2009). *Essays on word formation and form formation in children's speech*. Moscow: Znak publ. (In Russ.).
9. Zeitlin, S. N. (2017). *Language and child: Linguistics of children's speech*. Moscow: Vlados publ. (In Russ.).
10. Shakhnarovich, A. M. (1999). *Children's speech in the mirror of psycholinguistics: Lexicon. Semantics. Grammar*. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences publ. (In Russ.).
11. Sidorova, N. A., Fedulova, M. N. & Dolzenkov, V. N. (2024). On the issue of studying the content of insincere texts. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 81–92. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-81-92 (In Russ.).
12. Graham, J. A., Yuhas, H. & Roman, J. L. (2018). Death and Coping Mechanisms in Animated Disney Movies: A Content Analysis of Disney Films (1937–2003) and Disney/Pixar Films (2003–2016). In: *Social Sciences*, 7 (10), 199. DOI: 10.3390/socsci7100199.
13. Lukyanova, V. S. (2019). Communicative failures in English animated movies for children. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 5, 56–63. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-56-63 (In Russ.).
14. Buta, E. M. (2014). *Salinger. Tribute to a Cruel God*. Moscow: Algorithm publ. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукьянова Валентина Сергеевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал);
ORCID ID: 0000-0002-7532-8663; e-mail: vlukyan0203@yandex.ru, v.lukyanova@odin.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina S. Lukyanova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the English language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch);
ORCID ID: 0000-0002-7532-8663; e-mail: vlukyan0203@yandex.ru, v.lukyanova@odin.mgimo.ru